

2. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. М.: МПСИ, «Флинта», 1999;
3. Эльконин Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах: избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна – 3-е издание – М.: МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЕК» 2001 – 416 с.

Карпинский К.В.

ЖИЗНЕННЫЙ СМЫСЛ ПРОФЕССИИ

На сегодняшний день профессиональная деятельность и профессиональное развитие личности служат объектом изучения целого блока отраслей, подотраслей и разделов психологической науки. В них преобладает тенденция изучения профессиональной деятельности взрослого человека только с точки зрения ее внутреннего психологического содержания, отвлеченного от более широкого жизненного контекста, в котором она реально протекает. При таком подходе объяснение генезиса профессиональной деятельности, развития ее внутреннего строения, порождения и трансформаций в ней психических новообразований личности профессионала и многих других проблем выводится исключительно из закономерностей самой профессиональной деятельности, из механизмов ее «самодвижения». В действительности, психологическая динамика профессиональной деятельности и процесса профессионализации личности обусловлены взаимодействием человека не только с предметом труда, средствами труда, трудовым коллективом и другими производственными факторами. Немаловажное, а, может быть, и решающее значение имеет взаимодействие с индивидуальной жизнью в целом, в ходе которого она осознается взрослым человеком как особый «предмет», требующий приложения немалых усилий, а профессиональная деятельность в этой связи осмысливается им как «средство» или «способ» построения жизненного пути.

Психологическое исследование любого вида деятельности взрослого человека, в том числе и профессиональной, должно вестись в биографическом контексте и раскрывать, в первую очередь, то, как эта деятельность вписывается в структуру жизнедеятельности. Жизнедеятельность при этом понимается как ведущая деятельность зрелой личности, направленная на преобразование ею собственной жизни в соответствии со смыслом жизни в индивидуальный жизненный путь. В той мере, в какой каждый конкретный вид деятельности взрослого человека участвует в реализации смысла жизни, он инкорпорируется или выпадает из структуры жизнедеятельности. Чтобы установить место и роль частного вида деятельности в структуре жизнедеятельности взрослого человека, необходимо проанализировать содержательное и структурное соотношение внутренних мотивов данной деятельности со смыслом жизни как собственным («мотивом» жизнедеятельности). Такой подход позволяет рассматривать жизнедеятельность не как «одну из» спектра видов деятельности, которыми владеет субъект, а как **полидеятельностное образование**, интегрирующее самые различные виды деятельности субъекта в рамках единой смысловой направленности жизненного пути [3, 190 – 196].

При рассмотрении всякой деятельности как структурного компонента индивидуальной жизнедеятельности и анализе ее психологического соотношения со смыслом жизни, она становится объектом **психологии жизненного пути личности**. Данная отрасль исследует психическую феноменологию, механизмы и закономерности индивидуальной жизнедеятельности, по ходу которой происходит все более глубокое познание человеком жизненного пути, а сам человек проявляется и формируется в качестве

субъекта познания и преобразования жизни [3]. Одна из основных задач субъекта жизни заключается в совмещении и соподчинении всех доступных ему видов деятельности в составе жизнедеятельности так, чтобы они максимально содействовали реализации смысла жизни. В роли субъекта жизни личность призвана обеспечить: 1) распределение жизненных ресурсов (временных, энергетических, материальных и других) между отдельными деятельностями, включенными в структуру ее жизнедеятельности. Она «инвестирует» эти ресурсы преимущественно в те деятельности, которые гарантируют наилучшую реализацию смысла ее жизни, и не позволяет их поглощать тем деятельностям, которые не помогают или даже мешают в осуществлении смысла жизни. То, сколько времени и сил субъект затрачивает на конкретную деятельность в своей жизни, напрямую зависит от вклада этой деятельности в строительство индивидуального жизненного пути; 2) сообразование каждой частной деятельности, включенной в структуру жизнедеятельности со смыслом жизни, что предполагает преобразование ее внутреннего строения и оптимизацию ее динамики; 3) координацию и субординацию всех парциальных видов деятельности между собой в составе жизнедеятельности, в результате чего складывается более или менее удачная их «композиция». Все это характеризует личность как субъекта целостной жизни, а не частных видов деятельности, и предполагает «внутреннюю активность по «сшиванию швов» между различными деятельностями человека» [9, 99].

Но чем регулируется эта специфическая субъектная активность? Для ответа на данный вопрос необходимо учитывать, что с включением любого вида деятельности в состав жизнедеятельности он приобретает новую «жизнестроительную» функцию, наделяется новым инструментальным, орудийным значением по отношению к реальному жизненному пути. Объективной характеристикой места и роли частной деятельности в практическом воплощении смысла жизни и созидании индивидуального жизненного пути выступает жизненный, биографический смысл данной деятельности. **Жизненный смысл** – это объективное отношение определенного вида деятельности к процессу практической реализации человеком смысла своей жизни, место и роль этой деятельности в структуре целой жизнедеятельности, ее инструментальное значение для построения индивидуального жизненного пути. В индивидуальной психике жизненный, биографический смысл той или иной деятельности представлен в форме смысловых структур и процессов, определяющих пристрастное отношение личности к этому виду деятельности, побуждающих и направляющих ее субъектную активность. Личность, изменяющая в функции субъекта жизни конкретный вид деятельности, руководствуется в своей активности жизненным смыслом этой деятельности. В соответствии с этим смыслом личности приходится какими-то видами деятельности поступаться, а какие-то виды деятельности отстаивать. Во всяком случае, они выступают не как недвижимый балласт, но превращаются в объект ее активного отношения. На этом этапе характер взаимосвязи личности и системы ее деятельностей объективно меняется: если раньше деятельности входили в личность в качестве ее основания и предreshали ход ее психического развития, ее психологическую судьбу, то теперь личность способна вершить судьбу каждой отдельной деятельности, сохраняя или отбрасывая ее как объективную часть своей жизни. Личность как субъект жизни есть субъект системы деятельностей, из которых «соткана» индивидуальная жизнь.

Судьба частного вида деятельности в жизни зрелого человека, таким образом, зависит от его жизненного смысла, отражающего объективный характер влияния этой деятельности на реализацию смысла жизни. Психология жизненного пути личности

подходит к изучению любого частного вида деятельности взрослого человека со стороны его жизненного, биографического смысла, т.е. места в структуре целостной жизнедеятельности и роли в практической реализации смысла жизни. Этим смыслом личность ведома в субъектной активности, посредством которой она утверждает в собственной жизни одна и отторгает другие виды деятельности. Если активность, направленная на сообразование деятельности с ее собственным мотивом, характеризует личность как субъекта данной деятельности, то активность, нацеленная на «подгонку» этой деятельности к смыслу жизни, квалифицирует личность уже как субъекта жизни. Субъект жизни воспроизводит различные виды деятельности не в отрыве друг от друга, а в системном единстве, которое и есть человеческая жизнь. Как подчеркивает А.Н.Леонтьев, «развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие» [4, 188].

Из изложенного выше следует, что индивидуально-психологическая специфика профессиональной деятельности и профессионального развития личности во многом детерминирована тем инструментальным смыслом, которым профессия наделяется в контексте практической реализации смысла жизни. У профессионального труда наличествуют и собственные смыслообразующие мотивы, цели и задачи, которые обособляют его в ряду других деятельностей взрослого человека. Вместе с внедрением профессиональной деятельности в структуру жизнедеятельности психические структуры и процессы, складывающиеся и функционирующие в рамках данной деятельности, начинают в некоторой мере обеспечивать и психическую регуляцию жизненного пути. В то же время эти структуры и процессы начинают испытывать на себе корректирующее воздействие со стороны психобиографических структур, процессов и механизмов (смысла жизни, жизненных целей, планов, программ и т.п.), образующих внутреннюю сторону жизнедеятельности.

Психология жизненного пути сосредотачивается как раз на том, как присущие профессиональной деятельности мотивы, цели и задачи соотносятся с психологической структурой жизнедеятельности, которая конституируется смыслом жизни, жизненными целями, планами, программами и т.д. Ведущий и конечный мотив трудовой деятельности может приобретать разный психологический статус в составе жизнедеятельности. Он может полностью «растаться» со смыслом жизни как главенствующим мотивом жизнедеятельности; может быть одним из структурных компонентов в сложной динамической организации смысла жизни; может низводиться в контексте целостного жизненного пути до ранга частной цели или задачи, не обладающей самостоятельным мотивирующим значением; может быть вынесен за рамки внутренней мотивационно-целевой структуры жизнедеятельности вообще. В зависимости от этого внутреннего соотношения профессиональная трудовая деятельность объективно по-разному позиционируется в структуре целостной жизнедеятельности личности. Ключевой вопрос для изучения профессиональной деятельности в рамках психологии жизненного пути заключается в следующем: В какой мере личность, фигурирующая как субъект профессионального труда, выступает при этом в качестве субъекта жизни? Осуществляется ли смысл жизни человека в процессе его профессионального труда? Насколько профессиональная карьера как путь реализации мотивов и ценностей труда конвертирует с жизненным путем как магистральной линией осуществления смысла всей жизни?

Когда говорим о соотношении смысла жизни с мотивом отдельно взятой деятельности, мы несколько упрощаем суть дела. С точки зрения современного смысло-

го подхода, взаимосвязи разных видов деятельности определяются внутренним взаимодействием не изолированных смысловых структур, а целостных смысловых систем – «молярных единиц» смысловой сферы личности. Строго говоря, мотив профессиональной деятельности и смысл жизни как собственный мотив жизнедеятельности следует трактовать не как «монолитные» образования, а как «динамические смысловые системы» – сложноорганизованные комплексы смысловых структур (ценностей, мотивов, смысловых диспозиций и т.д.), порожденных и функционирующих как единое целое внутри определенного вида деятельности. Все большее число исследователей усматривает за смыслом жизни не какую-либо одну смысловую структуру, а целый ансамбль смысловых структур и процессов. Еще В.Франкл отмечал, что смысл жизни включает не только ценности («смысловые универсалии»), но и множество смыслов конкретных ситуаций [10, 29]. Этому созвучно определение смысла жизни В.Э.Чудновским: «Смысл жизни как психическое образование представляет собой не просто определенную идею, жизненную цель, ставшую для человека ценностью высокого порядка. Психологическую основу смысла жизни составляет структурная иерархия, система больших и малых смыслов» [11, 226]. Еще более недвусмысленную характеристику смысла жизни как динамической смысловой системы дает Д.А.Леонтьев: «Смысл жизни представляет собой концентрированную описательную характеристику наиболее стержневой и обобщенной динамической смысловой системы, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого» [5, 250]. Исследование индивидуальной жизнедеятельности как поддеятельного образования требует психологической реконструкции смысловой сферы личности, в которой динамические смысловые системы, присущие частным видам деятельности, по-разному соотносятся (не пересекаются, частично накладываются, полностью сливаются и т.д.) с динамической смысловой системой жизнедеятельности – смыслом жизни. Очевидно, что роль профессиональной деятельности в структуре жизнедеятельности будет зависеть от места, занимаемого профессиональными мотивами и ценностями в динамической структуре смысла жизни.

В современной отечественной и зарубежной психологии проблема соотношения трудовой деятельности с жизнедеятельностью, взаимосвязи профессиональных мотивов и ценностей со смыслом жизни только лишь прорисовывается. Тем не менее, как указывает В.Э. Чудновский, это направление исследований «имеет не только практическую, но и теоретическую «составляющую»: рассмотрение данной связи должно помочь лучшему пониманию функционирования механизмов смысла жизни» [11, 599 – 600]. Одной из актуальных задач в данной проблемной области является систематизация тех способов, при помощи которых люди «состыковывают» профессиональную деятельность со смыслом жизни, вписывают ее в структуру собственной жизнедеятельности. По сути, речь идет о разработке типологии жизненного смысла профессионального труда, об обобщении и классификации наиболее распространенных вариантов смыслового отношения субъекта жизни к своей профессии. Среди редких работ, поступающих к данному вопросу, следует назвать исследования Д.Н.Завалишиной, А.Р.Фонарева, Е.А. Киселевой, Э.Ф. Зеера и других. Особо следует выделить диссертационные исследования Л.Г.Перетяtko и Т.В.Максимовой, которые содержат не только постановку проблемы, но и предлагают ее конкретные решения. Так, Л.Г.Перетяtko на материале обследования студентов педагогических специальностей подразделяет четыре типа значимого отношения личности к профессии: увлечение профессией, профессиональное призвание, разочарование в профессии, отчуждение профессии [8, 17 – 18]. В свою очередь Т.В.Максимова по результатам опроса учителей приходит к различ-

нию трех вариантов соотношения профессии со смыслом жизни: 1) педагогическая профессия составляет главный смысл жизни учителя, является ведущим компонентом структурной иерархии смысла жизни; 2) значимость педагогической профессии не достигает уровня главного смысла жизни, являясь подчиненным, но достаточно «весомым» компонентом структурной иерархии смысла жизни; 3) значимость педагогической профессии является периферическим компонентом структурной иерархии смысла жизни [6, 117 – 118].

При всей значимости и оригинальности этих исследований они не всегда планомерно и методично применяют смысловой подход для разработки указанной проблемы. Между тем, эвристический потенциал данного подхода в изучении смысла жизни и производного от него жизненного смысла профессии трудно переоценить. Здесь, на наш взгляд, целесообразно воспользоваться общепсихологической классификацией смыслов, введенной В.В.Столиным и М.Кальвино: «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление в структуре деятельности: 1) явление выступает в качестве мотива, 2) явление представляет собой условие, способствующее достижению мотива, 3) явление представляет собой условие, препятствующее достижению мотива, 4) явление представляет собой условие, содействующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отношениям соответствуют и четыре возможных смысла явления: смысл мотива, позитивный смысл, негативный смысл, конфликтный смысл» [2, 19].

Сообразно с приведенной классификацией профессиональная трудовая деятельность может приобрести в структуре целостной жизнедеятельности следующий жизненный, биографический смысл:

1. Профессиональная деятельность как смысл жизни. В данном случае профессиональная деятельность всецело сливается с жизнедеятельностью и предстает не как один из многих видов деятельности, практикуемых в индивидуальной жизни, а как дело всей жизни, превосходящее по своей значимости остальные деятельности. Личность прокладывает индивидуальный жизненный путь посредством построения профессиональной карьеры, соединяя в этом процессе функции субъекта профессии и субъекта жизни. Такое тождество профессиональной трудовой деятельности и жизнедеятельности наблюдается тогда, когда собственные мотивы профессионального труда приобретают характер ведущих жизненных мотивов, подчиняющих себе мотивы всех остальных видов деятельности в индивидуальной жизни. В данном случае эти мотивы совпадают со смыслом жизни и являются уже не просто мотивами, но смысложизненными ценностями личности или, по выражению А.Н.Леонтьева, «жизненными мотивами-целями» [4, 220]. Они побуждают не просто работать, а жить работой; освещают смыслом целостный жизненный путь, а не только локальные ситуации производственной жизни; определяют и «цементируют» направленность личностного развития человека в качестве субъекта профессии и жизни. Все остальные виды деятельности, которые выполняет человек в своей жизни, оцениваются с точки зрения их вклада в успешную реализацию профессиональной трудовой деятельности. Они не просто играют в жизни второстепенную роль, но обслуживают профессиональную деятельность в качестве вспомогательных и амплифицирующих ее занятий. Этот вид жизненного смысла профессиональной деятельности перекликается с «профессиональным призванием», по Л.Г.Перетятько, – типом значимого отношения, выражающим «максимальную вовлеченность личности в профессию и стремление к еще большему сближению с ней» [8, 17]. В повседневности мы нередко сталкиваемся с тем, что профессиональная жизнь

превращается для человека в жизнь посредством профессии, профессиональная деятельность из части жизни оборачивается в жизненную миссию. В то же время углубленный психологический анализ внешних и внутренних условий, под влиянием которых смысл жизни «сдвигается» на мотив частной деятельности, а сама эта деятельность вырастает до уровня жизнедеятельности и «оккупирует» большую часть пространства и времени индивидуальной жизни, не предпринимаясь.

Во всех следующих ниже случаях профессиональная деятельность имеет не «терминальный», а «инструментальный» смысл, т.е. осмысливается личностью не как самоценность в жизни, а как сопутствующий фактор – средство либо преграда – для реализации смысла жизни, полностью не совпадающего с собственно профессиональными мотивами.

2. Позитивный жизненный смысл профессиональной деятельности. В данном случае профессиональная трудовая деятельность объективно способствует реализации человеком смысла его жизни. Мотивы профессионального труда «встраиваются» в смысл жизни, содержание которого ими, однако, не исчерпывается и охватывает ценности «непрофессионального» характера, лежащие за рамками производственной сферы. Профессиональные мотивы в системе смысловой регуляции жизненного пути личности взаимодействуют со смыслом жизни как «мотивы-стимулы» (А.Н.Леонтьев). Сообразно этому внутреннему соотношению в объективном плане профессиональная деятельность входит в структуру жизнедеятельности в качестве одного из основных «жизнедействий». Фактически, профессиональный труд расценивается и используется личностью в качестве удобного «средства» для построения жизненного пути, подходящего способа «сделать свою жизнь». Этот вид жизненного смысла профессиональной деятельности сопоставим с таким типом значимого отношения, как «увлечение профессией», по Л.Г.Перетяго [8, 17]. В нем присутствует переживание позитивной значимости, но отсутствует максимальная вовлеченность, поглощенность личности профессией.

3. Негативный жизненный смысл профессиональной деятельности. В данном случае работа по профессии объективно препятствует осуществлению человеком смысла своей жизни. В структуре жизнедеятельности она занимает место преграды, которая блокирует и осложняет реализацию личностью избранного пути в жизни. Направленность мотивов профессионального труда, как правило, противоречит смыслу жизни, в силу чего в процессе смысловой регуляции жизненного пути они выступают как «мотивы-помехи» (В.К.Вилонас). Другими словами, профессиональная деятельность не только не приближает, но и отдаляет личность от смысла жизни. Эта разнородность жизненного смысла профессиональной деятельности сопрягается с «разочарованием в профессии» – типом значимого отношения, при котором, по мысли Л.Г.Перетяго, «нарастает негативная значимость профессии, уменьшается ее влияние на человека, привязанность к ней» [8, 17].

4. Конфликтный жизненный смысл профессиональной деятельности. Здесь профессиональная трудовая деятельность одновременно помогает практическому воплощению одних, но мешает реализации других ценностей, входящих в структуру смысла жизни. Данный вид смыслового отношения личности к профессии ранее не описывался, что, по-видимому, обусловлено неприятием во внимание сложносоставного, системного строения смысла жизни. В реальности смысл жизни как динамическая смысловая система объемлет не одну, а, как правило, несколько смысловых систем ценностей, которые придают профессиональной деятельности различные жизненные

смыслы. Это означает, что индивидуальная жизнедеятельность является полимотивированной, а каждая включенная в ее структуру частная деятельность – полисмысленной формой личностной активности. Множественность и амбивалентность жизненного смысла профессиональной деятельности является скорее нормой, чем исключением, и из этого совсем не следует, что личность обречена на переживание внутреннего смыслового конфликта. В роли субъекта жизни она прилагает специальные условия к тому, чтобы профессиональная деятельность обеспечивала условия для осуществления одних смысложизненных ценностей, но в то же время не противодействовала реализации других. Личность четко разводит реализацию этих ценностей в пространстве и времени жизненного пути, не позволяя профессиональной деятельности «вклиниваться» в те ситуации жизни, которых отведены для воплощения «инородных» ей ценностей. Для актуализации конфликтного смысла профессии необходимо столкновение личности с особой жизненной ситуацией, которая поляризует отношения между различными составляющими смысла жизни. Например, если для человека в жизни одинаково важны ценности «семья» и «работа», то такой ситуацией может явиться долгосрочная командировка, которая, с одной стороны, обещает карьерный рост, а с другой стороны, сулит длительную разлуку с близкими людьми.

В динамической структуре смысла жизни, таким образом, могут мирно ужиться потенциально противоречивые ценности, в свете которых профессиональная деятельность может приобрести конфликтный жизненный смысл. Предотвращение и нейтрализация смысловых конфликтов достигаются личностью путем разнесения несовместимых ценностей по разным жизненным ситуациям и по различным видам деятельности, входящим в структуру ее индивидуальной жизнедеятельности [1; 9].

Наряду с описанными выше видами жизненного смысла профессии, следует предусмотреть еще один вариант ее соотношения с целостной жизнедеятельностью личности. В этом варианте труд по профессии не имеет никакого жизненного смысла, поскольку его собственные мотивы совершенно не пересекаются со смыслом жизни и реализуются человеком обособленно от генеральной линии жизнедеятельности. В данной ситуации можно говорить об **отчуждении человека от профессионального труда**, но не в том экономико-производственном смысле, в котором оно привычно обсуждается в марксистской философии и психологии, а в экзистенциальном смысле. В этом смысле проблема отчуждения затрагивается в работах зарубежных экзистенциальных психологов – Э.Фромма, В.Франкла и С.Мадди, А. Лэнгле, а из пока что малочисленных отечественных исследований можно сослаться на диссертационную работу В.Н.Осина [7]. Экзистенциальный характер отчуждения означает, что личность переживает свою профессиональную деятельность как бессмысленное и бесперспективное в масштабе жизни занятие, которое выполняется только лишь в силу социальной обязанности, а не по личному побуждению и убеждению. В подобных условиях «работа может восприниматься лишь как необходимость заработать деньги, то есть получить необходимые средства для настоящей жизни» [10, 234]. Даже полностью «выкладываясь» в профессиональной деятельности, человек чувствует, что «как ни выдыхайся на работе, вдохновляться нечем» [12, 506].

Отчуждение наступает как следствие обесмысливания профессиональной деятельности в масштабе биографии и, в свою очередь, может причиниться к драматическим кризисам личностного развития человека не только как субъекта профессии, но и субъекта жизни. Объективно оттягивая на себя «львиную долю» жизненных ресурсов, трудовая деятельность никак не продвигает личность по жизненному пути, профессио-

нальные успехи и достижения не увеличивают продуктивность реализации смысла жизни, а удовлетворение от труда как такового не скрашивает недовольства жизнью в целом. Естественно, что со временем безразличие к профессиональной деятельности трансформируется в резко отрицательное отношение к ней со стороны личности. Эта трансформация удачно «схвачена» в исследовании Л.Г.Перетяtko, где отчуждение раскрывается не столько как индифферентность и бессмысленность профессии для личности, сколько как ее активное неприятие и отрицание по смыслу. «Отчуждение профессии, – подчеркивает она, – тип значимого отношения, который может быть описан формулой «Она чужая». Профессия настолько далека, что никогда не сможет ни привязать, ни увлечь личность, ни стать ее призванием. Личность отрицает эту профессию, рассуждая приблизительно следующим образом: «Любая другая профессия, только не эта» [8, 18]. Понятно, что экзистенциальное отчуждение от профессии влечет за собой стагнацию личностного развития человека, провоцирует возникновение профессиональных и биографических кризисов. Вот почему оно представляет острую психологическую проблему, приобретающую все большее теоретическое и прикладное значение в рамках психологии жизненного пути личности.

Таким образом, с позиций психологии жизненного пути можно утверждать, что в какой бы профессии не был занят взрослый человек, помимо непосредственного исполнения своих трудовых функций, в профессиональной деятельности он в той или иной мере решает проблему поиска и реализации смысла жизни. В этом проявляется субъектная активность человека, причем не столько в качестве субъекта профессии, сколько субъекта жизни.

Литература

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
2. Кальвино М. Роль мотивации в актуализации системы значений: автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 1981. – 25 с.
3. Карпинский К.В. Человек как субъект жизни. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 280 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
6. Максимова Т.В. Смысл жизни и индивидуальный стиль педагогической деятельности // Мир психологии. – 2001. – № 2. – С. 114 – 118.
7. Осин Е.Н. Смыслотрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 2008. – 23 с.
8. Перетяtko Л.Г. Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект): автореф. дис.... канд. психол. наук: 19.00.01. – М., 1991. – 23 с.
9. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 284 с.
10. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
11. Чудновский В.Э. Становление личности и проблема смысла жизни. – М.: МПСИ, Воронеж: МОДЭК, 2006. – 768 с.
12. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. – М.: Класс, 1998. – 576 с.